

Научная статья

УДК 94

Карпец Федор Владимирович

аспирант

Московский городской педагогический университет

учитель истории

Бауманская инженерная школа № 1580

Москва, Россия

irminsul@mail.ru; ORCID: 0009-0000-2422-3979

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ФАКТОР В ТУРЕЦКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1991–2014 гг.

Аннотация. Тема крымскотатарского фактора в турецко-украинских отношениях затрагивает сразу несколько актуальных проблем и вопросов. Это и межнациональные противоречия, и сепаратизм, и национальное самоопределение, и «мягкая сила» в международных отношениях. В настоящей статье рассматриваются различные аспекты крымскотатарского фактора в турецко-украинских отношениях в 1991–2014 гг., осуществляется их анализ, выявляются особенности и влияние на произошедшие весной 2014 г. в Крыму события. Автор делает вывод о том, что проект крымскотатарского национального государства в Крыму, осуществляемый при поддержке Турецкой Республики в 1991–2014 гг. и при попустительстве украинских властей, оказался неосуществим ввиду малочисленности крымскотатарского населения, а также наличия на полуострове российских вооруженных сил.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, крымскотатарский вопрос, турецко-украинские отношения, «мягкая сила», пантюркизм, неоосманизм, Меджлис крымскотатарского народа*¹, Крымская весна.

Для цитирования: Карпец Ф. В. Крымскотатарский фактор в турецко-украинских отношениях в 1991–2014 гг. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 3 (55). С. 112–130.

¹ Запрещенная в России экстремистская организация. Здесь и далее помечена знаком *.

Original articles

UDC 94

Karpets Fedor V.

Postgraduate Student
 Moscow City University
 History Teacher
 Bauman Engineering School № 1580
 Moscow, Russia
 irminsul@mail.ru; ORCID: 0009-0000-2422-3979

**CRIMEAN TATAR FACTOR
 IN TURKISH-UKRAINIAN RELATIONS
 IN 1991–2014**

Abstract. The topic of the Crimean Tatar factor in Turkish-Ukrainian relations touches on several pressing problems and issues. These include interethnic contradictions, separatism, national self-determination and “soft power” in international relations. This article examines various aspects of the Crimean Tatar factor in Turkish-Ukrainian relations in 1991–2014, analyzes them, identifies their features and influence on the events that took place in the spring of 2014 in Crimea. The author concludes that the project of a Crimean Tatar national state in Crimea, carried out with the support of the Turkish Republic in 1991–2014, and with the connivance of the Ukrainian authorities, turned out to be unfeasible due to the small size of the Crimean Tatar population and the presence of Russian armed forces on the peninsula.

Keywords: Crimea, Crimean Tatars, Crimean Tatar issue, Turkish-Ukrainian relations, “soft power”, pan-Turkism, neo-Ottomanism, Majlis of the Crimean Tatar people*, Crimean Spring.

For citation: Karpets F. V. Crimean Tatar factor in Turkish-Ukrainian relations in 1991–2014 // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 3 (55). P. 112–130.

Введение. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г., полностью изменившее геополитическую конфигурацию Черноморского региона и расстановку сил во всем мире, явилось итогом длительного и сложного процесса. С распадом СССР в 1991 г. за влияние на Крымском полуострове как ключевой точке региона шла ожесточенная борьба, в которую были включены как проживающие там этнокультурные сообщества (русские, украинцы, крымские татары), так и государства региона (Украина, формально контролировавшая полуостров; Россия, до определенного момента ограничивающаяся лишь моральной поддержкой русскоязычного населения; и Турция, активно укрепляющая там свои позиции посредством «мягкой силы»). Важнейшим фактором данного противостояния являлось крымскотатарское сообщество, в котором активно шел процесс формирования нации с перспективами

на строительство собственного национального государства. Одновременно развивались отношения между турецким и украинским государствами, в которых крымскотатарский вопрос являлся, с одной стороны, своеобразным мостом, с другой — узлом противоречий. *Актуальность* данного исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа ситуации в Крыму в 1991–2014 гг. и влияния внешних факторов на эту ситуацию. *Цель исследования* — проанализировать роль крымскотатарского фактора в турецко-украинских отношениях в 1991–2014 гг. для выявления их особенностей.

Тема крымскотатарского фактора в турецко-украинских отношениях в указанный период находится в фокусе внимания как российских, так и зарубежных (турецких, украинских, западных) исследователей, однако, ввиду временной близости к современному этапу, представляется недостаточно изученной. В работе над данной статьей использовались исследования российских ученых — В. А. Аваткова, К. Н. Ахмадеева, А. В. Баранова, Н. Э. Демешко, А. А. Ирхина, Н. В. Киселёвой, О. В. Рябцева; турецких — Х. Аксакала, Ф. Эрекера, У. Озера, Р. Гюрлера, Д. Сезера, а также американца Б. Г. Уильямса. В качестве источниковой базы использованы нормативные акты (в том числе международные), документы Меджлиса крымскотатарского народа*, материалы российских и турецких СМИ.

Ход и результаты исследования. Черноморский регион был и остается одним из приоритетных направлений внешней политики Турецкой Республики. Будучи черноморской державой и контролируя вход в акваторию Черного моря через проливы Босфор и Дарданеллы, она умело пользуется преимуществами своего геополитического положения. На протяжении XX в. в регионе сложилась стабильная система международных отношений, основанных на Конвенции Монтрё 1936 г. и многолетней практике взаимодействия их участников, главными из которых были СССР и его союзники по Организации Варшавского договора — Болгария и Румыния, — с одной стороны, и Турецкая Республика — с другой. В результате же распада СССР в 1991 г. сложившийся баланс был нарушен. Теперь здесь образовался ряд новых государств: Российская Федерация, Украина, Грузия, Молдавия и Абхазия (де-факто). Всем им еще предстояло определить контуры и формат будущих отношений с Турцией, но Украине среди них принадлежало особое место. Связано это было не только с наибольшей протяженностью общей морской границы, но и с контролем Украины над ключевой точкой Черного моря — Крымским полуостровом, некогда входившим в Османскую империю, а потому представляющему для Турции особый интерес.

Еще великий русский полководец А. В. Суворов заметил, что, кто владеет Крымом, тот владеет Черным морем. Ввиду уникального географического положения и природного ландшафта, Крым, вошедший в состав Российской империи в 1783 г.² в результате долгих Русско-турецких войн, стал надежным оплотом ее военно-морской мощи на столетия и позволял ей держать

² Османская империя официально признала этот факт в Ясском договоре 1791 г.

под прицелом своего флота всю черноморскую акваторию. После распада же СССР в 1991 г., когда Крым оказался вне контроля России, интерес к полуострову стала проявлять усиливающаяся Турция. Крымские татары, близкие турецкому народу по вере, крови и языку, рассматривались ею как оторванные от родины соотечественники, а сам полуостров — как отнятая некогда, а значит, своя по праву территория (что характерно, в Турции наряду с этнонимом «крымские татары» используется также и «крымские турки»). В связи с этим Крым стал рассматриваться Турцией как одно из перспективных направлений для культурной, экономической, а возможно, в перспективе и политической экспансии в целях расширения своего влияния в регионе.

Надо понимать, что Турция, находившаяся в течение XX в. на обочине мировой политики и игравшая второстепенную роль в НАТО, прекрасно помнила свое великое прошлое. Распад СССР открыл для нее перспективу вернуть себе давно утраченный статус великой державы, чем она не преминула воспользоваться. В 1992 г. турецкий премьер-министр Сулейман Демирель произнес слова, которые определяют внешнюю политику страны на последующие десятилетия: «Турция расширится, несмотря на то что границы останутся неизменными. Она расширит свое влияние от Адриатики до Великой Китайской стены»³. Следует отметить, что речь шла о расширении именно путем экспансии, экономической и культурной, — той, которая в политической науке в эти же годы была названа «мягкой силой» и целью которой является расширение собственного влияния благодаря созданию привлекательного образа в глазах других народов и государств. Особенность «мягкой силы» как способа влияния состоит в том, что она осуществляется с перспективой на десятилетия вперед и имеет ощутимый эффект только в результате взросления целых поколений людей, на которых она была нацелена. Объектом же «мягкой силы» Турции являлись в первую очередь родственные ей тюркоязычные республики бывшего СССР (Туркмения, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Казахстан) и регионы соседних стран со значительно представленным тюркским компонентом (Татарстан, Башкортостан — в России, Крым — на Украине), а также соседние нетюркоязычные, но принадлежавшие некогда к Османской империи государства, испытывавшие к Турции исторически обусловленное тяготение. В первом случае данное влияние продвигалось в рамках идеологии пантюркизма, который предполагает объединение всех тюркских народов под эгидой Турции, во втором — неоосманизма, нацеленного на проникновение турецкого влияния в нетюркские, главным образом арабские государства, некогда входившие в Османскую империю. Турция объявляет себя ни много ни мало «утренней звездой», призванной указать путь родственным ей народам к новой эре процветания⁴. На Украине «мягкая сила» Турции стала проявляться в поддержке крымскотатарского национального движения.

³ *Gürler R. T. Turkey's soft power towards Central Asian countries after the cold war // Istanbul Sabahattin Zaim University Social Sciences Journals. 2013. Vol. 1-2. P. 107.*

⁴ *Williams B. G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. P. 260.*

В 1992 г. между Турецкой Республикой и Украиной были установлены дипломатические отношения, а 4 мая 1994 г. подписан договор о дружбе и сотрудничестве. Стороны провозгласили намерение «развивать взаимоотношения во всех отраслях в соответствии с нормами международного права и принципами уважения политической независимости, территориальной целостности и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга, равноправия и решения спорных вопросов мирным путем», а также «сотрудничество в сфере науки и техники, культуры, искусства, образования и информации»⁵. В июне этого же года была создана Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), куда вошли Турция, Россия и ряд других черноморских и средиземноморских государств, в том числе Украина. Однако в 1990-е гг. Турция не проявляла особой заинтересованности в развитии широких связей с новым соседом, а их отношения, как пишет тюрколог В. А. Аватков, были «относительно формальны и отличались эфемерностью»⁶. Исключение составлял крымскотатарский вопрос в этих отношениях.

В 1990 г. после Постановления Совета Министров СССР № 666 «О первоочередных мерах по решению вопросов, связанных с возвращением крымских татар в Крымскую область» началось массовое возвращение на родную землю крымскотатарского народа, депортированного по указу И. В. Сталина в Центральную Азию в 1944 г.⁷ Встречая противодействие со стороны местной (сначала советской, а затем — украинской) администрации, представители крымскотатарского народа начали самоорганизацию, и в 1991 г. на II Курултае крымскотатарского народа избрали представительный орган — Меджлис крымскотатарского народа* (далее — Меджлис*) во главе с известным активистом Мустафой Джемилевым, а также орган религиозной власти — Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК).

Согласно Положению о Меджлисе крымскотатарского народа* его целями были «ликвидация последствий геноцида, совершенного советским государством в отношении крымских татар, восстановление национальных и политических прав крымскотатарского народа и реализация его права на свободное национально-государственное самоопределение на своей национальной территории»⁸. Как можно понять из данного текста, речь шла о создании крымскими татарами собственной государственности с дальнейшей постановкой

⁵ Договір про дружбу і співробітництво між Україною і Турецькою Республікою // Верховна Рада України. Законодавство України. URL: https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=792_005#Text (дата обращения: 27.10.2023).

⁶ Аватков В. А. Геополитическое измерение турецко-украинских отношений // Постсоветские исследования. Т. 4. № 4 (3). 2021. С. 221.

⁷ Ахмадеев К. Н. Крымско-татарское сообщество современной России: проблема самоопределения: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2018. С. 96.

⁸ Положение о Меджлисе крымско-татарского народа*. Принято в новой редакции с учетом дополнений и изменений на третьей сессии IV Курултая крымско-татарского народа, г. Симферополь, 12 сентября 2004 г. // Alem-I Medenie. Qirim halqinin medeniyet hazinesi. URL: <https://medeniyet.org/node/37> (дата обращения: 20.01.2024).

вопроса о провозглашении независимости. Это подтверждается Декларацией о национальном суверенитете крымскотатарского народа от 28 июня 1991 г., где говорилось о том, что «политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымскотатарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве», где «земля и природные ресурсы Крыма, включая его оздоровительно-рекреационный потенциал являются, основой богатства крымскотатарского народа»⁹. Следующим шагом стало начало работы над проектом Конституции Крымской республики¹⁰. Подобные настроения и действия не могли не вызвать негативной реакции со стороны официального Киева, вследствие чего все вышеупомянутые «органы» не получили официального признания и остались на полулегальном положении.

Может показаться странным, что немногочисленная этническая группа (к началу 1995 г. численность крымскотатарского сообщества в Крыму достигала от 230 до 280 тыс. человек)¹¹ могла иметь столь далеко идущие амбиции, однако следует учитывать, что руководство крымскотатарского движения рассчитывало на скорое переселение на полуостров еще не менее 250 тыс. соотечественников из стран СНГ, а возможно, что и нескольких миллионов (!) из Турции. Таким образом, численность крымскотатарского населения полуострова, согласно их ожиданиям, должна была сравняться с русским, что давало бы крымскотатарскому национальному проекту весомые шансы на успех.

Правда, в августе 1992 г., когда на волне политического кризиса, вызванного принятием 5 мая пророссийским Верховным Советом Крыма Акта о провозглашении государственной самостоятельности республики Крым и постановления «О проведении общекрымского референдума» (так называемая «мешковщина» — по фамилии пророссийского президента Республики Крым Ю. А. Мешкова), на который предполагалось вынести вопрос о независимости Крыма от Украины, Меджлис* выступил за территориальную целостность Украины¹². В качестве ответного реверанса со стороны украинского государства был опубликован проект «О статусе крымскотатарского народа (нации) в Украине»¹³, в котором шла речь о «признании

⁹ Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа. Провозглашена на I сессии II Курултая крымско-татарского народа 28 июня 1991 г. // О Крыме: достопримечательности Крыма, культура, история. URL: <https://www.qrim.ru/about/docs/QirimIndependence> (дата обращения: 03.11.2023).

¹⁰ Постановление Меджлиса крымско-татарского народа* «О проекте Конституции Крымской республики», 29 декабря 1991 г., г. Симферополь // Крымско-татарское движение. Т. 3. 1991–1993 гг.: сборник документов / под ред. М. Н. Губогло / Центр по изучению межнациональных отношений РАН. М., 1996. С. 125.

¹¹ Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение в контексте этнополитической ситуации в Крыму (август 1991 – март 1995 гг.) // Крымско-татарское движение. Т. 3. 1991–1993 гг.: сборник документов / под ред. М. Н. Губогло / Центр по изучению межнациональных отношений РАН. М., 1996. С. 27.

¹² Там же. С. 86.

¹³ Проект Закона Украины «О статусе крымско-татарского народа (нации) в Украине (редакция Меджлиса крымско-татарского народа), июль 1992 г, г. Симферополь // Крымско-татарское

граждан крымскотатарской национальности народом (нацией), который имеет право на самоопределение», однако закон так и не был принят¹⁴. Очевидно было, что украинские власти не намерены были идти навстречу крымскотатарскому сообществу в тех вопросах, которые несли очевидную угрозу территориальной целостности государства. Поддержку же данное сообщество рассчитывало получить от Турции с ее явной заинтересованностью в делах региона и многочисленной крымскотатарской диаспорой.

В современной Турецкой Республике, согласно различным данным (официальная статистика Турцией не публикуется, ввиду ее стремления к ассимиляции национальных меньшинств), проживает от трех до пяти миллионов¹⁵ «турко-татар» — потомков участников двух волн массового исхода крымскотатарского населения из Крыма на территорию Османской империи, произошедших после присоединения полуострова к Российской империи в 1783 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. Подавляющее большинство из них в значительной степени туркизировано, хотя и частично сохраняет свою исконную идентичность. Около же двухсот тысяч¹⁶ активно включены в дела своей исторической родины и находящиеся на ее территории соотечественников, участвуя как в организациях гражданского общества (в основном это дернеки (кружки) — объединения взаимопомощи и культуры крымских татар), так и в политических структурах (стоит упомянуть в качестве примера бывшего министра туризма и президента крымскотатарского сообщества Турции Ахмета Исхана Кырымлы и его сына, историка Хакана Кырымлы). Члены этих организаций совмещают, по словам турецкого исследователя Хасана Аксакала, крымскотатарский национализм с национализмом турецким, имея «дуалистическое чувство принадлежности», характерное для многих эмигрантских сообществ¹⁷, что следует рассматривать как одну из вариаций пантюркизма. Главным направлением их деятельности в 1990-е гг. становится помощь в возвращении соотечественников в Крым из мест депортации (главным образом из Узбекистана) и обустройстве на исторической родине. Для переселенцев в дернеках собиралась денежная и гуманитарная помощь, а также осуществлялся сбор средств для финансирования Меджлиса*, Курултая и Всемирного конгресса крымских татар¹⁸. На самом же высоком уровне помощь крымскотатарскому сообществу была обещана президентом Турции Сулейманом Демирелем в ходе визита в Киев 30 мая – 1 июня 1994 г.¹⁹

движение. Т. 3. 1991–1993 гг.: сборник документов / под ред. М. Н. Губогло / Центр по изучению межнациональных отношений РАН. М., 1996. С. 319.

¹⁴ Червонная С. М. Указ. соч. С. 85.

¹⁵ Williams B. G. Op. cit. P. 227.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Aksakal H. Farther neighbour: a critical estimation on Turkish reception of Ukrainian revolution and Crimean crisis // Nowy Prometeusz. 2014. № 4 (6). P. 27.

¹⁸ Как живёт и кого поддерживает крымско-татарская диаспора в Турции 20.03.2017 [Электронный ресурс] / Громадское. URL: https://ru.hromadske.ua/posts/kak_zhivet_i_kogo_podderzhivaet_krymsko_tatarskaya_diaspora_v_turczii (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁹ Sezer D. B. Ukraine, Turkey and the Black Sea Region // Harvard Ukrainian Studies. 1996. Vol. 20. P. 89.

Основным проводником влияния Турции в Крыму становится Турецкое агентство сотрудничества и координации (ТИКА). Эта государственная организация была создана по решению Кабинета министров Турции в январе 1992 г. как институт продвижения собственных интересов в зарубежных странах, главным образом тюркоязычных и входящих ранее в СССР. С 1996 по 2014 г. офис ТИКА располагался и в Симферополе. На протяжении двух десятилетий организация осуществляла деятельность, направленную как на оказание помощи отдельным лицам и семьям крымскотатарской национальности, так и на крупные проекты, такие как строительство жилья (проект «1000 квартир»), учебных заведений и водопроводов, помощь в организации трудоустройства, финансирование медицинских учреждений²⁰. Отдельного упоминания заслуживает образовательная политика ТИКА, направленная на формирование общетюркской национальной идентичности у подрастающего поколения. К ней относятся предоставление крымскотатарским студентам грантов на обучение в Турции, разработка образовательных методик, открытие турецких учебных заведений, сотрудничество крымских и турецких университетов, проведение на их базе семинаров и конференций националистической направленности²¹. Одновременно, при содействии известного турецкого профессора, руководителя Фонда исследований тюркского мира Турана Язгана, шла работа по переводу крымскотатарской письменности на латиницу в ее турецком варианте, чему была посвящена отдельная конференция²². Отметим, что данный деятель осуществлял подобную работу и в российских республиках — Татарстане и Башкортостане, о чем он сам неоднократно высказывался как о «наиболее эффективном способе ослабления влияния России»²³, что применительно к Крыму следует понимать как ослабление влияния также и Украины соответственно.

Как мы видим, Турция, обязавшаяся, согласно Договору о дружбе и сотрудничестве 1992 г., уважать территориальную целостность соседнего государства, не слишком смущалась, ведя деятельность, очевидно направленную в перспективе на вывод полуострова из-под контроля Киева и интеграцию его в свое геополитическое пространство. На официальном же уровне турецкое руководство не уставало повторять, что «крымские татары — это мост между двумя странами»²⁴, а интерес

²⁰ Ирхин А. А., Демешко Н. Э. Крымский аспект российско-турецких отношений: факторы «мягкой и жесткой силы» // Перспективы. 2019. № 3. С. 45.

²¹ Там же. С. 46.

²² Turk dunyasi aratirmalari vakfi bakani sayin prof. dr. Turan Yazgan, 20 mayis 1992 Bahcesaray, Kirim (Письмо председателя Меджлиса крымско-татарского народа* председателю Фонда тюркских исследований проф. Турану Язгану, 20 мая 1992 г.) // Крымско-татарское движение. Т. 3. 1991–1993 гг.: сборник документов / под ред. М. Н. Губогло; Центр по изучению межнациональных отношений РАН. М., 1996. С. 249.

²³ Рябцев О. В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымскотатарского национального движения): дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 73.

²⁴ Sezer D. B. Op. cit. P. 93.

к ним Турции «не носит политического характера»²⁵. «Крымскотатарский вопрос, — заявил в сентябре 1994 г. на открытии очередной сессии Великого национального собрания (парламента) Турции президент республики Сулейман Демирель, — не давая повода для беспокойства ни одной из сопредельных стран, занял место в повестке дня Турции»²⁶. Он же в мае 1998 г. в ходе визита на Украину, посетив Симферополь и Бахчисарай, заверил, что «наши отношения с Крымом — часть наших отношений с Украиной»²⁷. Трудно сказать, насколько его слова звучали убедительно, но, следует отметить, что само присутствие турецкого президента на крымской земле было воспринято крымскотатарской общественностью как событие эпохальное. «Этот визит имеет огромное историческое значение, — отметил глава Меджлиса крымскотатарского народа* Мустафа Джемилев, — поскольку это первый визит главы турецкого государства в Крым после того, как полуостров отошел к России»²⁸ (имеется в виду присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г.). Отметим, что, встречаясь с представителями Меджлиса*, турецкое руководство возвело отношения с фактически нелегальной и не имеющей никакого юридического статуса организацией до практически межгосударственного уровня.

Украинские власти между тем хоть и не спешили с легализацией крымскотатарских псевдогосударственных структур (Курултай, Меджлис*, ДУМК), но при этом никак не пытались воспрепятствовать активности стороннего государства на собственной территории, игнорируя явную угрозу своему суверенитету. Политика Украины в отношении крымскотатарского вопроса была бессистемной, ситуативной и двойственной. Признавая необходимость восстановления исторической справедливости в виде возвращения крымских татар на родину предков, украинские власти, с одной стороны, не противились активному турецкому (в первую очередь финансовому) участию в данном процессе, с другой — игнорировали или даже блокировали все инициативы крымскотатарской общественности. В предвыборных программах украинских президентов, как отмечает исследователь данного вопроса Н. Э. Демешко, нет упоминаний о проблемах крымских татар, а обещания кандидатов носили исключительно устный, а значит, необязательный характер и в конечном итоге не выполнялись. Например, В. А. Ющенко в ходе предвыборной кампании 2005 г. на словах гарантировал крымским татарам решение земельного и реабилитационного вопросов, но при этом потребовал от них убрать из декларации Курултая 1991 г. слова о «национальном освобождении крымскотатарского народа»²⁹.

²⁵ Ereker F., Özer U. Crimea in Turkish-Russian relations: identity, discourse, or interdependence? // Athens Journal of Social Sciences. 2018. Vol. 5. Issue 4. P. 379.

²⁶ Голос Крыма. 1994. № 37.

²⁷ Sezer D. B. Op. cit. P. 93.

²⁸ Там же.

²⁹ Демешко Н. Э. Украинские президенты и крымские татары: проблемы, обещания, итоги // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 87.

Этот пример показателен еще и тем, что он свидетельствует об отсутствии у украинских политических элит иллюзий относительно приверженности крымскотатарского национального движения территориальной целостности Украины, а по сути, об осознании его сепаратистской направленности. Именно понимание данного факта вызывало стремление украинских властей абстрагироваться от крымскотатарского сообщества и в итоге заблокировать все его инициативы. Единственным шагом навстречу крымским татарам со стороны государства было создание правительством Л. Д. Кучмы в 1999 г. Совета крымских татар при президенте Украины, что в итоге окончательно маргинализировало конструкцию «Курултай – Меджлис*» и раскололо крымскотатарское движение на условных лоялистов и радикалов. Ситуация, как мы видим, с течением времени только усложнялась.

Неспособность Киева определиться с политической линией в отношении Крыма объясняется, во-первых, банальной слабостью украинских политических институтов и неспособностью с их стороны оказывать сколь либо существенное противодействие явно сепаратистским тенденциям на собственной территории, причем при участии иностранного государства. Во-вторых, власти Украины усматривали в сложившейся ситуации такое позитивное для себя обстоятельство, как создание в лице татарско-турецкого фактора противовеса выступающей за воссоединение Крыма с Россией русской диаспоре Крыма, которая представляла собой большинство населения полуострова, а потому рассматривалась ими как более явная угроза. По сути, Крым, несмотря на общепризнанный на тот момент суверенитет над ним Украины, продолжал представлять собой спорную территорию, за которую шла борьба трех этнокультурных сообществ, причем не без участия внешних сил. Российская газета «Аргументы и факты» за 5 октября 1994 г. отмечала, что главный потенциальный выгодоприобретатель в данной ситуации — Турция. Украина, как писала газета, заинтересованная в наличии крымскотатарского вопроса как рычага давления на Россию, не видит для себя серьезной опасности и на полуострове «создается благоприятная ситуация для образования в ближайшем десятилетии еще одной исламской республики — на юге той же Украины. Не исключено, что Крым в таком случае может ожидать участь Кипра»³⁰. Следует отметить, что с Турецкой Республикой Северного Кипра у крымскотатарского Меджлиса* в эти годы налаживаются прямые контакты³¹, что давало определенные основания для предположений о начале его работы над «заимствованием» опыта непризнанной республики. Российская же поддержка русскоязычному населению Крыма была в большей степени моральной.

³⁰ Сегодня на полуострове проживает более 200 тыс. крымских татар. Уплывёт ли Крым в Турцию? // Аргументы и факты. 05.10.1994 г. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1643080> (дата обращения: 25.10.2023).

³¹ Визит Мустафы Джемилева в Турцию и Кипр // Авдет. 1993. 11 марта. URL: <http://politika-crimea.ru/d/390-dzhemilev-mustafa-dose/25373-vizit-mustafy-dzhemileva-v-turtsiyu-i-kipr> (дата обращения: 15.11.2023).

Третья причина, объясняющая пассивную позицию украинских властей в отношении проникновения в Крым Турции — стремление Украины дистанцироваться от России и интегрироваться в западный мир, в том числе в НАТО, впервые доктринально обозначенное президентом Л. Д. Кучмой в 1995 г. в качестве стратегической цели нового государства³². В связи с этим внешняя политика Украины (как, впрочем, и России в те годы) выражалась во всеобъемлющем соглашательстве с установками, полученными с Запада даже там, где они очевидно противоречили ее национальным интересам. Турция же, будучи членом НАТО и соседом Украины, а значит, ее потенциальным ближайшим партнером и проводником в альянс, имела в глазах украинских элит особую важность. По словам первого украинского президента Л. М. Кравчука, сказанным им в интервью 1996 г., после распада СССР он «стал убежденным сторонником идеи, что именно Турция должна играть позитивную роль лидерства в регионе»³³, что может пониматься не иначе, как готовность Украины всецело следовать вектору ее политики. Отделившись от России, Украина не чувствовала в себе достаточного ресурса для проведения самостоятельной политики и ей была необходима поддержка более сильного актора в регионе. А поскольку новое сближение с исторически и культурно близкой Россией неминуемо повлекло бы фактическое попадание в сферу ее влияния, что рассматривалось украинскими элитами как нечто недопустимое, то оставалась только Турция. Турецкий историк Д. Сезер, размышляя над вопросом о том, что создает предпосылки для сближения Турции и Украины, приходит к выводу, что это в первую очередь общий страх перед возрождением Российской империи³⁴.

После прихода к власти в 2002 г. умеренно исламистской Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом «мягкая сила» Турции приняла характер систематизированной, последовательной политики, направленной на превращение страны в регионального лидера. В 2009 г. в ее основу легла концепция министра иностранных дел, профессора Ахмеда Давутоглу «Стратегическая глубина», или «Ноль проблем с соседями». Миротлюбивая политика, основанная на «взаимовыгодном экономическом развитии для снижения противоречий между государствами»³⁵, приводит к подъему отношений с Украиной (как и с Россией) на принципиально новый уровень. В первую очередь это происходит благодаря тесным экономическим связям (к 2012 г. Украина становится вторым после России торговым партнером Турции)³⁶, но также

³² *Sezer D. B.* Op. cit. P. 90.

³³ Там же. С. 88.

³⁴ Там же. С. 90.

³⁵ *Аватков В. А.* Турецкая республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018: монография. М., 2020. С. 24.

³⁶ *Баранов А. В.* Влияние Турции на постмайданную Украину: внешнеполитический и военный аспекты // Турция и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей: материалы Международной научно-практической конференции (28 октября 2016 г., Кубанский государственный университет, г. Краснодар), Краснодар, 2016. С. 119.

и сближению в военной сфере. В 2001 г. была организована антитеррористическая группа военно-морского взаимодействия БЛЭКСИФОР (BLACKSEAFOR), в которую вошли все черноморские страны, включая Турцию, Россию и Украину. В 2002 г. ими был принят Документ о мерах укрепления доверия и безопасности в военно-морской области на Черном море³⁷.

В то же время в политической сфере у Турции и Украины обнаружились принципиальные разногласия. Это касалось активизации стремления Украины, где в 2004 г. произошла проамериканская «оранжевая революция», присоединиться к блоку НАТО, который вел активную экспансию в Черноморский регион за счет присоединения бывших союзников СССР по Организации Варшавского договора (в 2004 г. в него вступили Болгария и Румыния). Несмотря на членство в альянсе, Турция видела в его расширении посягательство на свое лидерство в регионе, а потому всячески противодействовала этому процессу. В этом вопросе у Турции интересы совпадали с Россией, что позволило двум странам не только координированно работать, чтобы сохранить в регионе статус-кво, опираясь в этом вопросе прежде всего на неукоснительное соблюдение Конвенции Монтрё, но и достичь в итоге высочайшего уровня стратегического партнерства в отношениях.

Ориентация на построение крепкого сотрудничества с крупными региональными акторами неизбежно повлекла видимое уменьшение интереса официальной Турции к пантюркистским геополитическим проектам, пользующимся популярностью в годы премьерства и президентства Сулеймана Демиреля. В связи с этим в Турции наблюдалось снижение муссирования на государственном уровне крымскотатарской проблематики, да и контакты с псевдогосударственными образованиями Крыма стали происходить значительно реже. Нельзя при этом сказать, что турецкое руководство совсем прекратило работу на этом направлении. В сентябре 2012 г. в ходе официального визита на Украину премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган посетил Крым и встречался с лидерами Меджлиса крымскотатарского народа* М. Джемилевым и Р. Чубаровым. В ходе этого визита были достигнуты договоренности о реализации на территории Крыма ряда новых культурных и социальных проектов, в том числе о достройке турецкой школы в микрорайоне Фонтаны и строительстве соборной мечети в Симферополе³⁸. Однако официальная Анкара не могла не отдавать себе отчета в раздражающем эффекте подобных встреч как для Киева, так и для усилившейся и четко осознающей свои интересы в регионе России, а потому, ввиду приоритетности для себя этих направлений отношений, стремилась к их минимизации. Очевидно, поддержание связей

³⁷ Документ о мерах укрепления доверия и безопасности в военно-морской области на Черном море // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://doc.mil.ru/files/DokumentomerahukreplenydoveriaChF.pdf> (дата обращения: 21.01.2023).

³⁸ Киселёва Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А. . Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь, 2015. С. 243.

с крымскотатарским сообществом было отдано турецкими властями на откуп негосударственным структурам, таким как, например, пантуркистская Партия националистического движения, открыто декларирующая идею присоединения Крыма к Турции в качестве нового вилайета. Руководство крымскотатарского Меджлиса* при этом продолжало регулярно посещать турецких влиятельных лиц, а также сблизилось с руководством марионеточной Турецкой Республики Северного Кипра³⁹, которая также, несомненно, являлась звеном в цепи данных коммуникаций. Как бы там ни было, крымскотатарский вопрос, как и другие пантуркистские проекты в эти годы, очевидно, временно был отложен Турцией в долгий ящик.

Политический кризис на Украине осени 2013 – весны 2014 гг., известный как Евромайдан, в результате которого был свергнут считавшийся про-российским президент В. Ф. Янукович, а к власти пришли проамериканские силы, был встречен в Турции неоднозначно. Правительство Р. Т. Эрдогана усматривало в происходящих на киевском майдане событиях параллель с прошедшими несколькими месяцами ранее и жестко подавленными полицией антиправительственными выступлениями на площади Таксим в Стамбуле. Турецкие власти склонны были видеть в происходящем спецоперацию ЦРУ и государственный переворот, потенциально несущий угрозу не только правительству Януковича, но также и любому неуголному США режиму, включая формально дружественного, но при этом чрезмерно независимого от Вашингтона Р. Т. Эрдогана⁴⁰. В этом, следует отметить, позиция Анкары совпадала с официальным российским взглядом на данные события.

В целом же Турция до поры до времени предпочитала сохранять позицию наблюдателя издалека. Однако по мере перехода кризиса на Украине в фазу гражданской войны в турецком медиапространстве разгорается дискуссия относительно гипотетической возможности вмешательства Турции в ситуацию, причем объектом внимания становится Крымский полуостров. Так, во влиятельной газете *Hürriyet* от 28 января 2014 г. появилась статья с недвусмысленным названием «Если Украина распадётся, то у Турции появится право на Крым». Статья апеллировала к не существовавшему в реальности положению Кючук-Кайнаджирского мирного договора 1774 г., согласно которому Османская империя передавала Крым России с условием, что полуостров не только не может быть отдан третьей стороне, но и не может быть объявлен независимым (в реальности данное соглашение провозглашало независимость Крымского ханства, признание же его частью Российской империи было закреплено в 1791 г. Ясским мирным договором). Автор статьи утверждал,

³⁹ Крым посетила делегация Турецкой Республики Северного Кипра // Крымско-татарская газета «Авдет» 11.05.2016. URL: <https://avdet.org/2016/05/11/krym-posetila-delegacija-tureckoj-respubliki-severnogo-kipra-c-14-po-17-oktjabrja-2010-goda-krym-po-priglaseniju-predsedatelja-medzhliisa-krymskotatarskogo-naroda-mustafy-dzhemileva-posetila-s-rabochi/> (дата обращения: 15.11.2023).

⁴⁰ *Aksakal H.* Op. cit. P. 27.

что право взять Крым под свой контроль на основании договора появилось у Турции в 1991 г., после распада СССР, однако тогда она этим правом не воспользовалась, ограничившись защитой прав крымскотатарского меньшинства, теперь же в случае выхода полуострова из состава Украины самое время заявить об этом праве и реализовать его⁴¹. Следует отметить, что подобные мнения разделялись и частью турецких элит, например пантюркистской Партией националистического движения, имеющей не менее 10 % парламентских мандатов.

Несмотря на наличие в турецком публичном пространстве подобных настроений, события Крымской весны застали Анкару врасплох. Появление в конце февраля 2014 г. в Крыму российских военных, взявших под контроль ключевые объекты полуострова, его выход из подчинения официальному Киеву и начало подготовки референдума о статусе полуострова не только переносили Турцию (как и весь мир в целом) в новую реальность, где Россия вновь заявила о себе как о великой державе и начала кардинально смещать баланс сил в Черноморском регионе в свою пользу, но также и обесмысливало всю многолетнюю работу Анкары в Крыму, основанную на методах «мягкой силы».

В этой ситуации турецкая дипломатия не могла оставаться в стороне от происходивших событий и сразу начала активные консультации как с украинской, так и с российской стороной. Однако ее риторика изменялась также быстро, как и обстановка на полуострове. Если в феврале 2014 г., в ходе официального визита в Киев, глава турецкого МИДа А. Давутоглу решительно заявил, что «Турция находится в состоянии мобилизации, чтобы сделать все необходимое для защиты прав наших сородичей в Крыму»⁴², то уже в марте он отметил, что «Турция не позволит напряженной обстановке в Крыму стать причиной кризиса в отношениях между Турцией и Россией»⁴³. Разумеется, ни о каком военном вмешательстве в ситуацию или даже о разрыве отношений с Россией у Турции, связанной с ней многочисленными экономическими, в том числе энергетическими, проектами, и речи быть не могло, поскольку в этом случае издержки для турецкой экономики были бы недопустимо высокими. На совместной пресс-конференции с экс-председателем крымскотатарского меджлиса* М. Джемилевым Давутоглу заявил, что крымский референдум является «нелигитимным и не имеющим никакой правовой основы». Но вместе с тем министр отметил, что «отголоски холодной войны неприемлемы» и Турция продолжит сотрудничество с Россией. И, несмотря на то что события весны 2014 г. определили будущее сближение Турции с Украиной, данная позиция в течение

⁴¹ Ukrayna parçalanırsa, Türkiye'nin Kırım hakkı doğar 29.01.2014. // Hürriyet. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/ukrayna-parcalanirsa-turkiye-nin-kirim-hakki-dogar-25693129> (дата обращения: 04.11.2023).

⁴² Ereker F., Özer U. Op. cit. P. 382.

⁴³ Ахмет Давутоглу исключает турецко-российский кризис вокруг ситуации в Крыму // МК-Турция 04.03.2014. URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2014/03/04/ahmet-davutoglu-isklyuchaet-turecko-rossijskij-krizis.html> (дата обращения: 29.11.2023).

последующих лет не претерпела изменений. Турция, не присоединившись к санкциям ЕС и США против России, продолжает развивать с ней отношения на всех возможных направлениях, начиная от энергетического и заканчивая военным, и в то же время последовательно выступает (как и явно сепаратистский в недавнем прошлом Меджлис крымскотатарского народа*) за территориальную целостность Украины в ее границах до «аннексии Крыма». Эта позиция абсолютно объяснима: Турция, во-первых, в данном вопросе стоит на букве западного понимания международного права, во-вторых, солидаризируется с союзниками по НАТО и, в-третьих, отстаивает свое отнятое «право» на постепенное поглощение Крыма. Турция, вероятно, будет последней, кто признает суверенитет Российской Федерации над Крымским полуостровом — слишком болезненным для ее националистически настроенных элит является тот факт, что пришлось вновь «уступить» его России.

Что касается турецкого общества, то оно продемонстрировало поразительное безразличие к происходящим в соседней стране событиям. Это показывает в том числе количество людей (чуть более сотни), вышедших на митинги под названием «Дайте голос Крыму» 2 и 8 марта в Анкаре и затем 20 мая на проспекте Истикляль в Стамбуле⁴⁴, при том что в этих городах проходят обучение тысячи крымскотатарских и украинских студентов. Очевидно, что такое отношение граждан страны к обозначенному вопросу также могло быть воспринято турецкими властями как своего рода сигнал о том, что не следует вступать в конфликт, предмет которого неясен большей части общества, а сосредоточиться на решении своих внутренних проблем.

Заключение. На протяжении всего периода с 1991 по 2014 г. в Крыму присутствовало ощущение временности сложившегося положения вещей. Украина, которая волею исторической случайности стала обладателем полуострова в рассматриваемый период, по факту не имела механизмов для осуществления контроля над его территорией, а потому он и «уплыл» весной 2014 г. из ее рук столь легко. Референдум 16 марта 2014 г. являлся, по сути, историческим выбором народа Крыма, и сделан он был в пользу России. Однако, представляется, что если бы крымскотатарскому сообществу удалось добиться реализации цели, поставленной в 1991 г., — уравнение численности крымскотатарского населения полуострова с русским населением, — то и результат этого выбора мог быть иным. И не исключено, что в этом случае вместо российских «вежливых людей» весной 2014 г. на полуострове могли оказаться вооруженные силы Турецкой Республики. Мы помним, что у Турции уже был опыт подобных действий, осуществленный на Кипре в 1974 г., когда в результате ее военного вторжения была образована Турецкая Республика Северного Кипра, полностью зависимая от Турции, несмотря на декларируемый суверенитет. Мы также помним, что крымскотатарская община в своих программных документах

⁴⁴ Aksakal H. Op. cit. P. 27.

тоже ставила задачу строительства суверенного национального государства. Однако в том, что в случае реализации этого плана суверенитет был бы чистой формальностью, а реальный контроль над полуостровом находился бы в руках Анкары, не приходится сомневаться. Как бы то ни было, тот факт, что крымские татары, в отличие от турок-киприотов в 1974 г., продолжали оставаться в Крыму национальным меньшинством, а также наличие на полуострове крупной российской вооруженной группировки делали подобное развитие событий невозможным.

Не следует забывать, что турецкая внешняя политика всегда отличалась предельной прагматичностью и реализмом. Еще в марте 1990 г. будущий премьер-министр и президент Турецкой Республики Сулейман Демирель отмечал, что, будучи турком, невозможно отказаться от пантюркизма. Но при этом он добавлял, что «пантюркизм этот не должен выходить за рамки разума и реальности», что «авантюризмом является стремление объединить турецкий мир в единое государство. Создание союза тюркских государств — дело будущего, в настоящий же момент — это фантазия»⁴⁵. Осознание Турцией данного факта и определило в качестве политики для расширения влияния Турции именно «мягкую силу», методично и последовательно работающую на долгосрочный результат. И даже, будучи внезапно прерванной, эта политика оставила отчетливый след в виде лояльности умонастроений значительной части крымскотатарской общественности, с чем, несомненно, приходится и придется считаться в будущем России в ходе выстраивания своей политики на полуострове.

Рассмотрение роли крымскотатарского фактора в турецко-украинских отношениях 1991–2014 гг. позволяет сделать следующие выводы:

- Крымский полуостров, находившийся под формальным контролем Украины в 1991–2014 гг., представлял собой зону переплетения интересов трех этнокультурных сообществ — украинского, русского и крымскотатарского;
- крымскотатарское сообщество в данный исторический период предпринимало попытку создания собственного национального государства, рассчитывая получить поддержку в этом у Турции;
- Крым продолжает рассматриваться Турцией как сфера ее экономических и политических интересов, крымскотатарский народ — как часть турецкой нации. В связи с этим, формально осуществляя в Крыму гуманитарную миссию, Турция фактически поддерживала там сепаратизм;
- главным фактором сближения Украины и Турции в описываемый период был страх перед возрождением российского империализма;
- украинские власти видели в крымскотатарском движении противовес русскому движению Крыма, а потому вынуждены были мириться с его существованием;

⁴⁵ Турция между Европой и Азией: Итоги европеизации на исходе XX в.: монография / [М. Гасратян, Ф. Жердев, О. Жигалина и др.; отв. ред. Н. Г. Киреев]; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2001. С. 427.

– в момент осуществления переворота в Киеве в 2013–2014 г. в турецком публичном пространстве раздавались голоса, призывавшие Турцию предъявить права на Крым. В реальности Анкара не рассматривала такой возможности ввиду малочисленности лояльного ей населения в Крыму и наличию там российских вооруженных сил;

– Турция не признала результаты референдума о статусе Крыма 16 марта 2014 г. и о его вхождении в состав РФ, став последовательным сторонником территориальной целостности Украины. При этом хорошие отношения с Россией остаются для нее в приоритете, а потому она продолжает с ней сотрудничество на всех возможных направлениях.

Литература

1. Аватков В. А. Геополитическое измерение турецко-украинских отношений // Постсоветские исследования. Т. 4. № 4 (3). С. 219–225.
2. Аватков В. А. Турецкая республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018: монография. М.: Юрайт, 2020. 136 с.
3. Ахмадеев К. Н. Крымскотатарское сообщество современной России: проблема самоопределения: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2018. 183 с.
4. Баранов А. В. Влияние Турции на постмайданную Украину: внешнеполитический и военный аспекты // Турция и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей: материалы Международной научно-практической конференции (28 октября 2016 г., Кубанский государственный университет, г. Краснодар), Краснодар: Традиция, 2016. С. 117–126.
5. Демешко Н. Э. Украинские президенты и крымские татары: проблемы, обещания, итоги // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 4 (70). № 1. С. 85–96.
6. Ирхин А. А., Демешко Н. Э. Крымский аспект российско-турецких отношений: факторы «мягкой и жесткой силы» // Перспективы. 2019. № 3. С. 37–49.
7. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
8. Рябцев О. В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымскотатарского национального движения): дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 168 с.
9. Турция между Европой и Азией: Итоги европеизации на исходе XX в.: монография / [М. Гасратян, Ф. Жердев, О. Жигалина и др.; отв. ред. Н. Г. Киреев]; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. М.: Крафт+, ИВ РАН, 2001. 535 с.
10. Aksakal H. Farther neighbour: a critical estimation on Turkish reception of Ukrainian revolution and Crimean crisis // Nowy Prometeusz. 2014. № 4 (6). P. 24–37.
11. Ereker F., Özer U. Crimea in Turkish-Russian relations: identity, discourse, or interdependence? // Athens Journal of Social Sciences. 2018. Vol. 5. Issue 4. P. 371–388.
12. Gürler R. T. Turkey's soft power towards Central Asian countries after the cold war // Istanbul Sabahattin Zaim University Social Sciences Journals. 2013. Vol. 1–2. P. 100–113.
13. Sezer D. B. Ukraine, Turkey and the Black Sea Region // Harvard Ukrainian Studies. 1996. Vol. 20. P. 79–101.

14. Williams B. G. *The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation*. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2001. 489 p.

References

1. Avatkov V. A. Geopoliticheskoe izmerenie turetsko-ukrainskikh otnoshenii [Geopolitical dimension of Turkish-Ukrainian relations] // *Post-Soviet Studies*. Vol. 4. № 4 (3). P. 219–225. (In Russ.).

2. Avatkov V. A. *Turetskaia respublika. Vneshniaia politika: ot 2002 k 2018: monografiia* [Turkish Republic. Foreign policy: from 2002 to 2018: monograph]. Moscow: Iurait, 2020. 136 p. (In Russ.).

3. Akhmadeev K. N. *Krymskotatarskoe soobshchestvo sovremennoi Rossii: problema samoopredeleniia* [Crimean Tatar community of modern Russia: the problem of self-determination]: dissertatsiia kandidata politicheskikh nauk. St. Petersburg, 2018. 183 p. (In Russ.).

4. Baranov A. V. *Vliianie Turtsii na postmaidannuiu Ukrainu: vneshnepoliticheskii i voennyi aspekty* [Turkey's influence on post-Maidan Ukraine: foreign policy and military aspects] // *Turtsiia i slavianskii mir: voprosy mezhdunarodnykh otnoshenii i istoriko-kul'turnykh svyazei: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (28 oktiabria 2016 g., Kubanskii gosudarstvennyi universitet, g. Krasnodar)*, Krasnodar: Traditsiia, 2016. P. 117–126. (In Russ.).

5. Demeshko N. E. *Ukrainskie prezidenty i krymskie tatory: problemy, obeshchaniia, itogi* [Ukrainian presidents and Crimean Tatars: problems, promises, results] // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culture*. 2018. Vol. 4 (70). № 1. P. 85–96. (In Russ.).

6. Irkhin A. A., Demeshko N. E. *Krymskii aspekt rossiisko-turetskikh otnoshenii: faktory «miagkoi i zhestkoi sily»* [The Crimean aspect of Russian-Turkish relations: factors of “soft and hard power”] // *Perspektivy*. 2019. № 3. P. 37–49. (In Russ.).

7. Kiseleva N. V., Mal'gin A. V., Petrov V. P., Formanchuk A. A. *Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskii opyt, sovremennye problemy i perspektivy ikh resheniia* [Ethnopolitical processes in Crimea: historical experience, modern problems and prospects for their solution]. Simferopol': Salta, 2015. 352 p. (In Russ.).

8. Riabtsev O. V. *Setevoi printsip deiatel'nosti organizatsii zakrytogo tipa v kontekste ugroz natsional'noi i regional'noi bezopasnosti Rossii (na primere krymskotatarskogo natsional'nogo dvizheniia)* [The network principle of the activities of closed organizations in the context of threats to the national and regional security of Russia (using the example of the Crimean Tatar national movement)]: disertatsiia kandidata politicheskikh nauk. Rostov-na-Donu, 2008. 168 p. (In Russ.).

9. *Turtsiia mezhdru Evropoi i Aziei: Itogi evropeizatsii na iskhode XX v.: monografiia* [Türkiye between Europe and Asia. Results of Europeanization at the end of the 20th century: monograph] / [M. Gasratian, F. Zherdev, O. Zhigalina i drugie; otvetstvennyi redaktor N. G. Kireev]; Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk. Institut izucheniia Izrailia i Blizhnego Vostoka. Moscow: Kraft+; IV RAN, 2001. 535 p. (In Russ.).

10. Aksakal H. *Farther neighbour: a critical estimation on Turkish reception of Ukrainian revolution and Crimean crisis* // *Nowy Prometeusz*. 2014. № 4 (6). P. 24–37.

11. Ereker F., Özer U. *Crimea in Turkish-Russian relations: identity, discourse, or interdependence?* // *Athens Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 5. Issue 4. P. 371–388.

12. Gürler R. T. Turkey's soft power towards Central Asian countries after the cold war // Istanbul Sabahattin Zaim University Social Sciences Journals. 2013. Vol. 1–2. P. 100–113.
13. Sezer D. B. Ukraine, Turkey and the Black Sea Region // Harvard Ukrainian Studies. 1996. Vol. 20. P. 79–101.
14. Williams B. G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2001. 489 p.